

Юрий ГЕРАСИМОВ

Родился в 1948 году в г. Кулебаки Горьковской области. Окончил Ленинградский госуниверситет по специальности «геоморфолог». 25 лет проработал в Киргизии, в горах Тянь-Шаня и Памира, занимаясь изучением древних оледенений. Автор четырех поэтических сборников.

Живет в Кулебаках Нижегородской области.

И ВОТ ОНА – В ГОРУ ДОРОГА...

* * *

Нет, не мечтами я живу.
Мне по душе реальный ветер,
Люблю реальную траву,
Как любят лошади и дети.

И облик Родины моей
При мне расхваливать не надо:
И без того я верен ей
И женщине идущей рядом.

У этой женщины судьба
С моей судьбою воедино...
И мне без Родины – труба,
Как и без женщины любимой.

* * *

Вспоминаю берег узкий,
Скалы, море при луне.
Тот пейзаж совсем не русский
И таинственный вполне.

Был я молод, был беспечен,
Ни одной души вокруг...
И, войдя в залив по плечи,
Я слышал сердца стук.

Передать минуту эту
У меня не хватит сил.
Я не землю, а Планету
Под ногами ощутил.

И плыла моя Планета
Вместе с морем и со мной –
Мне казалось – в центре где-то
Всей Галактики самой.

В тишине луна светила,
Ни моторки, ни весла...
И неведомая сила
Нас по Космосу несла...

Старик

После оттепели снова
Наступают холода.
Это, в сущности, не ново,
Этак, в сущности, всегда.

Но в природе сущность эта
До апреля, до весны.
В крайнем случае – до лета,
До цветения сосны.

А за ней цветет и липа,
Знойный полдень настает.
И старик от недосыпа
В холодочек спать идет.

Не брюзжит и не стонает,
Ко всему давно привык.
Полушубок расстилает
Замечательный старик.

Полушубок тот не новый,
Но заштопаный женой.
Так что наш старик не вдовый,
И, как видите, живой.

Полушубочек расстелет
И старухе подмигнет:
«Помирать – так не в постели».
И спокойненько заснет.

И к нему с его березы
Молодые сны слетят:
Будто он пришел с обозом,
А жена и дети спят.

Полушубок он снимает,
И на цыпочках идет.
Всех детей пересчитает,
И приляжет, и заснет.

А в избе – пером Жар-Птицы –
На всей площади стола
Так и светятся гостинцы,
Что Лиса ему дала.

* * *

Когда бы предложили сделать выбор
И после смерти воскресить меня
Во что я назову, вот, скажем, в рыбу,
Во что угодно... Я б назвал коня.

И выбрал масть. Мне нравятся гнедые.
И в бричке бы ходил, и под седлом.
А отмахавши годы беговые,
Дремал бы на лужайке за селом.

И вспоминал, что был я человеком,
Тянул свой воз, надежды не терял,
И хоть в своей не очень-то кумекал,
Но душу лошади прекрасно понимал.

* * *

*Мальчики играют в легкой мгле.
Сотни тысяч лет они играют:
Умирили царства на земле –
Детство никогда не умирает.*

В. Луговской

В ручейках вытаивают щепки,
Петухи расхаживают смело.
Бельевая крупная прищепка
Перелетной ласточкой присела.

Я, рубаху скинув, загораю.
Солнышко покалывает веки.
На пригорке высохшем играют
Будущие чудо-человеки.

Двое плотных и кузнечик-грация,
С гибким силуэтиком спины...
Тыщи лет...
играть – не отыграть
Детям мира за сирот войны.

Надпись в горах на камне

Если жито посеешь –
Быть к зиме с калачом.
Если жить не робеешь –
То и смерть нипочем.

Если друга не выдал –
Есть кому помянуть.
Если жил не для выгод –
Ты, брат, дольше побудь.

* * *

Я б мог орла поймать – три дня назад.
Орел объелся и не смог взлететь.
Вот так стояли мы: глаза в глаза,
Пока мои не стали стекленеть.

И я ушёл – по перышкам улара,
Которого он только что сожрал.
Орел был стар – во мне же кровь играла,
И я легко взошёл на перевал.

Взгляд не забыть. В нем не было мольбы.
Была тоска, не скрытая угрозой.
Не дай мне, боже, такой судьбы:
Чтоб не подняться в старости над прозой.

* * *

В который раз надежда не сбылась.
И не смешно ли? Новая явилась.
И где же ты такая родилась,
И кем ты той надежде доводилась.

А сам, конечно, рад ей от души.
И ниоткуда силы прибывают.
Надежды потому и хороши,
Что в человека веру не теряют.

* * *

Раскатится гром!.. И нахлынет
Священный восторг бытия!
Как будто не слышал доньше,
Не видел, не чувствовал я.

Опустишься травы потрогать,
поднимешься небо обнять,
И вот она – в гору дорога,
Которую поздно менять.